

НРАВСТВЕННО ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Шадыбаев Руслан Ильясович

*Студент 1 курса филологического Факультета русских и
родственных языков Термезского государственного университета*

Научный руководитель – Ходжакулова Шахло Аскаровна

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы нравственно-психологической проблематики романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Смысл преступления и наказания Печорина состоит в отказе Печорина судить себя по тем же законам, по которым он судит окружающих. Двойственность нравственной нормы героя по сути своей аморальна и преступна.

Ключевые слова: Наполеоновская проблема

В свое время В.Г. Белинский отмечал, что «лирическая поэзия и романтическая повесть современной жизни (иными словами, реализм) соединились в одном таланте. Именно в этом он видит его «силу, разнообразие и многосторонность».

Современное литературоведение отмечает, что в «Герое нашего времени» есть черты и романтизма и реализма. Некоторые исследователи творчества Лермонтова полагают, что реализм Лермонтова как бы вызревает в недрах романтизма.

Я полагаю, что это не совсем так. Романтизм и реализм в романе Лермонтова противостоят друг другу, подчеркивая важнейший психологический конфликт произведения.

Романтический постулат о различных нравственных нормах для героя и для обывателя стал одним из главных вопросов русской литературы XIX века. Общественное сознание связало эту проблему с именем Наполеона: человека, обязанного своим головокружительным взлетом только самому себе, принявшего за основу мировоззрения принцип – «для достижения цели все средства хороши». Романтическое увлечение сильной личностью привело к романтизации образа Наполеона, превратило его имя в символ. «Наполеоновской» проблеме будут посвящены раздумья всех выдающихся русских писателей. Пушкин об этом напишет «Пиковую даму», поэму «Медный всадник»; этот же вопрос станет основным для Достоевского и Толстого...

Лермонтова всегда волновал образ Наполеона. В юности поэт поклонялся ему, воспевал его жизнь и оплакивал одинокую гибель. Повзрослев, он пришел к переоценке своих взглядов. В «Герое нашего времени» автор ни разу не

упоминает имени своего давнего кумира, но то, что мы называем «наполеоновской проблемой», стало одной из центральных нравственнопсихологических проблем романа.

Так, например, «Бэла» строится так, что читатель подготовлен к появлению романтического героя, нарушающего все условности, и ждет от Печорина именно бунта. Он, Печорин, – в центре повествования, он – объект читательского интереса. И не только читательского. Посмотрите: Максим Максимыч без слез не может вспоминать о несчастной участи Бэлы, он искренне полюбил эту девочку, но прощает Печорину её гибель! Почему? «Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно надо соглашаться». То есть добрый, порядочный штабс-капитан судит себя и себе подобных по одним законам, а Печорина – по другим, гораздо менее жестким. И его слушатель – путешествующий офицер – с ним как будто согласен, и мы – читатели – принимаем его систему двойной моральной нормы. Попробуем представить себе, что не Печорин, а сам Максим Максимыч вдруг вздумал бы похитить Бэлу.

Мы бы автору не поверили! А от Печорина – таинственного, необыкновенного – читатель ждет подобных поступков – и еще более безумных. Ждет нарушения общепринятых норм, дерзкого посягательства на тихое, мирное, скучное течение обыденности. Какой молодой читатель воображает себя Максимом Максимычем? Нет, разумеется, все мы ищем в себе черты Печорина – страстного, дерзкого, разочарованного! А помните:

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...

Да, Пушкин, «Евгений Онегин». Эти строки – как эпитафия ко всей «наполеоновской теме» в русской литературе. Стремление быть «наполеоном», быть яркой личностью, человеком особой судьбы и особого предназначения – естественно и прекрасно. Ведь жаль того, кто с детства мыслит себя лишь серым исполнителем, мелким порученцем» Итак, само по себе стремление «попасть в наполеоны» – прекрасно, это залог будущих свершений. Плохо другое: стремление это проще всего реализовать в принятии двойной морали, допустив для себя – Наполеона! – особую нравственную норму, а значит – вседозволенность.

Человек, отказывающийся судить себя по тем же законам, по которым судит окружающих, вообще теряет нравственные ориентиры, утрачивает критерии добра и зла. Поэтому двойственность нравственной нормы по самой сути своей аморальна и преступна; она – основа любого преступления.

В романе «Преступление и наказание» Достоевский гневно и зло высмеивал попытки социалистов объяснить все в человеке влиянием внешней среды. «У них одно объяснение, - негодовал Разумихин, - среда заела. Натура не берется в расчет, натуры не полагается, натура изгоняется!» И это – главное обвинение Достоевского. В самом деле, какая бы ни была «среда», как бы сильно ни было ее дурное влияние, человек несет ответственность за свои поступки.

Только робот не отвечает за ту программу, которую в него вложили. Человек отвечает за каждый свой шаг, это – основа нравственности. И эта основа утрачена Печориным.

Обратите внимание: с главы «Максим Максимыч» в романе активизируется взаимодействие романтического и реалистического планов. Печорин мыслит и действует как романтический герой, но взгляд автора на него реалистичен. Лермонтов последовательно выявляет в образе Печорина признаки духовного надлома, подчеркивает алогизм его моральных оценок.

В «Бэле» Печорин ради обретения нового духовного опыта, не задумываясь, жертвует и князем, и Азаматом, и Казбичем, и самой Бэлой: «Да когда она мне нравится!»

В «Княжне Мери» вмешается в завязавшийся роман Грушницкого и Мери, вихрем ворвется в наладившуюся жизнь Веры. Ему тяжело, ему пусто, ему скучно. Он пишет о своей тоске и о притягательности «обладания душой» другого человека, но ни разу не задумается, откуда взялось его право на это обладание! И то, что не вызывало сомнений в романтической «Бэле», то что насторожило в «Тамани», с предельной ясностью предстает в «Княжне Мери».

Он остаётся «один, потеряв последнюю надежду» Но самое главное – трагический итог отношений с людьми, как и в предыдущих повестях, не отражается на внутреннем состоянии героя, который, анализируя свои ощущения, доискивается ответов на вопрос «отчего я такой?», «из чего же я хлопочу?» – 3 июня. «Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?», «куда я себя готовлю?» - 14 июня, «зачем я жил?» - 16 июня. Печорин приходит к выводу, что в нём умерла лучшая «половина души». Именно поэтому он, вмешиваясь в судьбы других людей, разрушал их надежды, вводил в отчаяние, прямо или косвенно убивал (5 июня).

Обобщая в этой романтической гиперболе губительное воздействие светской среды на личность, Печорин в дальнейших отступлениях обращается к исследованию своего «назначения на земле».

Так, размышления Печорина в «Фаталисте» о вере и безверии относятся не только к трагедии одиночества современного человека в мире. Человек, утратив Бога, утратил главное – моральные ориентиры, твердую и определенную систему

нравственных ценностей. Так как система нравственных запретов, предложенная религией, ничего общего не имеет с цепью, на которую кто-то посадил человека.

Идея Бога – не цепь и не плетка для усмирения инстинктов, это идея духовной потребности самого человека возвыситься над ними, победив их в себе. Это высшая идея духовного равенства – ибо каждый человек есть образ и подобие Божие, вне зависимости от того, Наполеон он или титулярный советник.

Есть один важнейший нравственный закон, истинный во все времена: уважение к миру, к людям начинается с самоуважения. Не с самовозвеличивания, а именно с самоуважения. Это может быть выражено как почтение к божественной сути человека, а может быть выражено иначе. Но вне зависимости от способа выражения и осознания этого нравственного закона, он центральный, нравственность начинается с него. Человек, унижающий других, не уважает себя.

Его потребность унижить кого-то объясняется именно тем, что только торжествуя над слабым, он ощущает себя сильным: он вымещает на другом собственные обиды на мир. Ощущение внутренней ущербности, духовной неполноценности – вот что несёт с собой отсутствие самоуважения. Это психология раба, психология духовного рабства. От этого рабства и бежит человек ко вседозволенности, стремится к разрушению, ибо созидание невозможно без внутренней свободы.

Удивительно, что Печорин понимает этот закон, но в то же время не осознаёт его важности, не видит в нем истоков своей трагедии. Вспомните его размышления: «Зло порождает зло; первое страдание дает понятие об удовольствии мучить другого...» Вдумаемся: весь мир, окружающий Печорина, построен на законе духовного рабства – мучают, чтобы получить удовольствие от страданий другого. И несчастный, страдая, мечтает об одном – отомстить, унижить не только обидчика, но и весь мир. Зло порождает зло не само по себе, но в мире без бога, в обществе, где попораны нравственные законы, где только угроза юридического наказания как-то ограничивает разгул вседозволенности. «Я иногда себя презираю... Не оттого ли я презираю и других?...» Так Печорин вплотную подходит к разгадке тайны своих мучений – но не принимает истину. Человек, которому смешны «наивные верования» предков, отказывается от истины нравственных самоограничений, от идеи Высшего Суда. Лермонтов приводит своего героя, отказавшегося судить себя, к полному поражению. Печорин постоянно ощущает свою нравственную ущербность: он говорит о двух половинах души, о том, что лучшая часть души «высохла, испарилась, умерла». Кокетничая с княжной Мери, он увлекается и произносит искренне, страшное признание: «Я сделался нравственным калекой...» Вот истинная трагедия Печорина: ощущая свою духовную неполноценность, он не видит ее причин, обвиняет мир, людей и время в своем духовном рабстве. И попадает в замкнутый

круг. Вы никогда не задумывались, почему Печорин так безумно дорожит своей свободой: «Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту..., но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею?» А в самом деле – отчего? И почему свободу Печорин понимает так упрощенно: как свободу от брачных уз, свободу от дружеских привязанностей? Да потому что истинной свободы – свободы духовной – он не знает.

Печорин так стремится к свободе, потому что он не свободен, духовно закрепощен. Он ищет свободу, но ищет «не там»: в одиночестве, в бесконечных скитаниях, то есть находит лишь внешние признаки свободы. А поиск внешней свободы заведомо безрезультатен, пока не обретаена внутренняя, духовная свобода.

Бездомность, неприкаянность Печорина и бессмысленная смерть «где-то на пути в Персию» - вот тот духовный крах, полное фиаско, к которому приводит автор своего героя. Ибо не дано человеку судить себя по иным нормам, кроме общечеловеческих норм, ибо путь двойной нравственной нормы, путь вседозволенности бесплоден, это путь к духовному опустошению, к духовной смерти. Неслучайно ведь, осмысливая трагедию эпохи, Гоголь пишет поэму «Мертвые души».

Использованная литература:

1. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4-х томах. – М. «Художественная литература», 1975-1976
2. Лермонтовская энциклопедия.- М. 1981
3. Буслакова Т. П. Русская литература 19 века. «Издательство «Высшая школа».- М.-2001